

Литературный МАЯК

№ 2
(241)

Выпуск подготовлен при спонсорской поддержке СХПК Комбината Тепличный

Слово редактору

Любезный читатель, здравствуй!

Февраль своё дело знает - и метёт, и снежит, да и морозец, наконец-то, почувствовался, защищал нос и щёки... Впрочем, теперь уже не надолго. Скоро март, весна... Жизнь идёт по заведённому кругу.

Своим чередом идёт и литературная жизнь: пишутся и издаются книги, печатаются журналы, проходят литературные встречи и вечера...

Продолжается и наш литературный конкурс «Заветное слово». В адрес редакции поступили работы (стихи и проза) уже от нескольких десятков авторов из различных уголков Вологодчины: от Устюга до Устюжны, от Грязовца до Верховьяжья... Хороший смотр литературных сил области получается!

Как знать, может, для кого-то этот конкурс и станет ступенькой к дальнейшим творческим успехам... В любом случае - это возможность сказать во всеуслышание своё заветное слово.

Ведь что такое творчество - это и есть заветное, задушевное слово, сказанное для всех.

А пока: приём работ на конкурс «Заветное слово» продолжается.

Напомню некоторые пункты положения о конкурсе: в конкурсе могут принимать участие жители Вологодской области без ограничения возраста; на конкурс принимаются подборки стихов (5-10 стихотворений), в номинации «Проза» - одно произведение (рассказ, эссе, очерк) объёмом до 5 страниц; тематика произведений может быть различной, но они должны следовать традициям русской литературы, пропагандировать идеалы добра, справедливости, любви к родине; не допускаются к участию в конкурсе произведения, содержащие призывы к политической, международной, межконфессиональной розни, содержащие ненормативную лексику, нарушающие авторское право, слабые в литературном плане.

Пишите нам. Читайте «Литературный маяк»!

**Дмитрий
ЕРМАКОВ.**

Вряд ли сегодня найдется в Вологодском районе человек, не слышавший об усадьбе Спасское-Куркино. Да и за пределами района всё больше людей узнают об этом замечательном месте, о тех людях, что жили там когда-то... Этот рассказ - не документ, но он написан на реальной основе, он написан потому, что и автору рассказа дорога и усадьба, и люди, жившие в ней.

Жил в имении Спасское-Куркино, что под Вологодой, барин. Усадьбу: дом, флигели, конюшню, парк, пруды - ещё его прапрадед заводил. А этот барин жил в большом красивом усадебном доме вместе со своей матерью и сестрой. Не женат был барин, хоть и не молодой уже. Рядом во флигелях жили лакеи, кучера, музыканты... Барин был добрый и платил прислуге щедро (крепостное право ещё при его отце отменили). На праздники он одаривал конфетами деревенских ребятишек. Не забывал и на благоустройство храма Преображения Господня милостыню дать.

В дальних уголках парка, у прудов наберут ребятишки земляники лукошко - барину несут. Он им пятачок даст и велит отнести ягоды матери и сестре.

В этом же парке и цветов девочки нарвут, букет сделают, опять барину несут. Опять он не скупится - пятачок даёт...

«А чего ему скупиться, денег-то у него больше всех в губернии», - говорили молодые кучера. «А вы чужих-то денег не считайте - своих не будет», - отвечал им старый слуга Петрович.

Только крупные синие колокольчики не велел барин в парке рвать и сердился, если вдруг они появлялись в букете. Завёл эти цветы садовник ещё при деде нынешнего барина. Росли они тогда на клумбах. С тех пор клумб в парке не стало, а колокольчики росли сами по себе в тени старых лип, дубов и вязов... Был у барина дом в Вологде и в самом Петербурге. Да и в Париж и другие заграничные города он часто ездил.

Вот и пошёл слух в усадьбе и по деревне, что в Париже появилась у него зазноба.

От дома к дому, от деревни к деревне молва полетела, что хочет барин купить кружевную накидку и что за ценой не постоит.

Понесли женщины со всей округи кружева в барский дом. Все кружева он сам глядел, но всё не нравились. Ему уж и мать с сестрой говорили: «Что же ты кружевиц обижаешь - такую красоту приносят, а ты всё «не

то» да «не то». Что же тебе надо?» «Мне надо самого высшего качества». Мать с сестрой головами качали, кружева у кружевниц, чтоб не обидеть, сами покупали...

И сказали барину, что живёт неподалёку, в деревне Мышкине, самая лучшая кружевница. - Так позовите её сюда! - велел барин и отправил за ней кучера с коляской.

Вернулся кучер, руки разводит:

- Больно уж нравная. Говорит - барину надо, так сам пусть и едет.

Удивился барин. Долго не думая, в эту же коляску прыгнул.

Приезжают они в Мышкино, прямо к дому. Дом - не бедный, не богатый, чувствуется только, что мужских рук в нём не хватает: вон и ступенька на крыльце того гляди проломится, и дверь скрипит, и крыша прохудилась...

Вошёл барин в жильё. Кружевница у окна сидит, над подушкой склонилась, коклюшки в её руках так и летают.

- Здравствуй, хозяйка, - говорит ей барин.

- Здравствуй, Николай Николаевич, - не оставляя работу, она откликается.

- Не узнаю тебя что-то.

- Ну, так цветочек узнай.

Плетение оставила, взяла со стола толстую книгу, раскрыла, а там, между страниц, засохший, крупный, как в его

Дмитрий ЕРМАКОВ Колокольчик

парке - колокольчик.

- Ну, цветы все одинаковые... - А этот особенный - Коля-коля-коло-кольчик, - улыбнулась кружевница и на него посмотрела.

- Аннушка! - барин воскликнул. Вспомнил, как давно-давно гуляли они по парку... Уходили в глухие уголки, забегали в заплетённые плющом беседки, уплывали на лодке из пруда по каналу в реку, убрехали в сенокосные луга... Тогда-то сорвал он в парке этот колокольчик, сказал: - Я уезжаю за границу. Но скоро вернусь. А пока пусть этот цветочек напоминает обо мне.

- Да как же мне его сохранить? - спросила Аннушка, беря цветочек.

- А ты в толстую книгу положи. - Да откуда же у нас толстая книга... Смеёшься ты надо мной, Коля-Коля... Коло-кольчик...

- Подожди, - он, молодой, лёгкий, будто взлетел по боковой лестнице на второй этаж дома и скоро вернулся, держа в руке толстую книгу. - Вот, между страниц положи, он и сохранится.

Уехал он за границу, а вернулся лишь через много лет, но об Аннушке даже не вспомнил...

- Так что хочешь-то... барин? - спрашивает она, глядя на него.

- Накидку кружевную.

- Ну, вот смотри... Взглянул он - и будто ослеп от красоты такой. «Вот Жанет будет рада!» - о своей невесте

французской подумал.

- Забери и книгу свою, - сказала Аннушка, отдавая кружево. - Не нужна она больше.

Взял барин книгу и кружево, деньги на стол положил и скорее из дома. Только-только ступенька под ним на крыльце не сломалась, скрипнула, как вскрикнула... Запрыгнул в коляску и уехал.

...А вскоре весть пришла - в Петрограде революция. По всей России огонь запылал.

Барин сначала мать с сестрой за границу отправил. Потом и сам собрался, куда давно хотел. Вышел на балкон своего дома, обратился к крестьянам:

- Я уезжаю. Оставляю вам дом и парк... Берегите... Всё теперь ваше...

И уехал.

Крестьяне наказ доброго барина выполнили, и дом сохранили, и парк сберегли. Растут и сегодня в парке колокольчики. А в округе не перевелись ещё кружевницы.

А недавно поехали куркинские школьники в областную библиотеку, где хранятся книги из дворянских усадеб.

- Вот эта книга из усадьбы Спасское-Куркино, - сказала библиотекарь. Взяла с полки толстую книгу на французском языке, раскрыла... А там высушенный колокольчик - память о прошлой жизни и чьей-то любви...

Конкурс «Заветное слово»

Александр КРУГЛИКОВ (Череповец)

«Дав отчизне присягу навеки»

Мороз на улице за двадцать,
изба вся выстыла опять,
но надо в школу собираться -
уже готовит завтрак мать.

Три километра руслом речки
по льду прозрачному кружок...
Проснусь, а мама топит печку,
с картошкой ставит чугунок...

И приготовит в школу сыну
на постном масле бутерброд.
...И сетку дивных апельсинов
ко мне в больницу принесёт.

У мамы жизнь была суровой:
сиротства годы и война...
И...нас, детей,
любила словом
довольно сдержанно она.

И боль её, и эти слёзы -
упрёк, наверное, и мне.
Но понял я всё это поздно,
бывало, плача в тишине...

И горько мне, что маму мамой
я наяву не назову.
...Проснусь, а мама моет раму,
чтоб видел неба синеву.

За родною деревней стою.
Мне сегодня опять показалось,
что я вырос не в этом краю:
мало прежних пейзажей
осталось.

Нет полей, где цвели васильки -
зеленеют там юные ели.
Заросли берега у реки,
а леса за рекой полысели...

Снялись птицы
с насиженных мест,
где мы в детстве
грибы собирали -
скорчевали бульдозером лес,
расширяя колхозные дали.

А покосы вокруг заросли,
где косили когда-то вручную...
Подросли и косить бы могли,
но мы бросили землю родную...

У сарая из «каменных» плит
я стою этим утром погожим.
Как стремительно время летит!
И родная земля всё дороже...

Когда по телевизору идёт
реклама очередного нереально
действенного и феерического
фильма, я не рвусь на пре-
мьеру в первый ряд, а отпра-
вляюсь на захватывающие пои-
ски авторского оригинала - кни-
ги. Во всех современных «при-
квелах», «сиквелах» и «ремей-
ках», по-русски говоря экрани-
зациях предьсторий и повто-
рений удачных картин с новы-
ми спецэффектами, отыскал
первоисточник порой непросто,
и с первого взгляда бывает
непонятно на какой роман или
повесть замахнулся режиссер.
Но даже если фильм снят дей-
ствительно хорошо, несомненно,
книга будет лучше. Ведь книга -
это не просто передача
словами, какой-то замысловатой
истории, это живой диалог
с живущим и чувствующим
(именно в настоящем времени,
ведь рукописи не горят, а поэты
не умирают) человеком. Если
Вы не любите читать, скорее
всего Вы просто не нашли
своего писателя. Но если такой
собеседник всё же найдется на
бесконечных книжных полках,
ваша жизнь заметно изменится.
Тихими вечерами, когда домаш-
ние будут спать, а может быть,
наоборот - в очереди неприят-
ных событий ты (теперь на «ты»,

Старенький дом за берёзами -
чуть помоложе меня...
Вечер с холодными звёздами,
в ближних домах ни огня.
Время кончается летнее,
падает лист за листом...
Не был давно...

Вот и встретились,
домик родной за прудом.
Холодно в милой обители -
жили где мы, пацаны...
А молодые родители
смотрят в глаза со стены...
Дети их шумные выросли,

время пришло уезжать.
Чувств не успели мы выразить,
поговорить и обнять...
И перед встречей с вечностью
съездить на пару бы дней
в домик в деревне
над речкою
возле седых тополей...

Когда уйду, упав неловко
иль тихо лёжа в гамаке,
в последний раз татуировку
прочти у мужа на руке.
Она уйдёт совместно с телом
в иные дали навсегда.
Ты разгляди, что не успела,
коль догорит моя звезда...
Ты расшифруй, пока не поздно,
что наколот я на бегу:

Что значат ёлки и берёзы,
и птицы в солнечном кругу,
а чуть повыше - «Бригантина»
и парус, и девятый вал,
и неба звёздная пучина...
Эскиз я сам нарисовал.
И месяц там, и флаг на мачте,
чтоб плыть в небесные моря...
Четыре икса в смертной дате -
был оптимистом всё же я,
тож погребальной грусти
внемля.
...Когда мой флаг уйдёт на дно,
я обниму навеки землю,
люблю которую давно.

И держат нас ещё долги
отца и брата, мужа, сына...
Листвы шуршащие шаги,
рябины кровь да стон осины...
Стоят деревья, как кресты.
Здесь все равны,
здесь выпить свято...
Я шёл сюда за три версты,
как в школу местную когда-то...

Мы представить такое
себе не могли:
Всюду снег в середине апреля.
Но гляжу - показались
в небесной дали
Журавли.
Журавли!
Неужели?!

Говорила ты, молчаливая,
что люблю я не только Русь:
и леса, и реку с ивами...
Но моя не о том грусть.
Эта родина моя белая -
то в снегу она, то в цветах.
...А была земляника спелая
слаще всех на твоих губах!

На ветру стою за околицей,
песню слушаю соловья.
На закате ромашки молятся
у мерцающего ручья...
Эта родина моя серая -
то дожди над ней, то снега...
Здесь с любовью живу
и с верою,

и надежда мне дорога.

Я шёл сюда за три версты,
чтоб поклониться виновато...
Вокруг деревья, как кресты
над всеми, жившими когда-то.
С берёзой шепчется сосна
седою кроною своею...
Здесь столько плит!
А жизнь одна -
и жаль нам расставаться с нею.

И держат нас ещё долги
отца и брата, мужа, сына...
Листвы шуршащие шаги,
рябины кровь да стон осины...
Стоят деревья, как кресты.
Здесь все равны,
здесь выпить свято...
Я шёл сюда за три версты,
как в школу местную когда-то...

Мы представить такое
себе не могли:
Всюду снег в середине апреля.
Но гляжу - показались
в небесной дали
Журавли.
Журавли!
Неужели?!

Говорила ты, молчаливая,
что люблю я не только Русь:
и леса, и реку с ивами...
Но моя не о том грусть.
Эта родина моя белая -
то в снегу она, то в цветах.
...А была земляника спелая
слаще всех на твоих губах!

На ветру стою за околицей,
песню слушаю соловья.
На закате ромашки молятся
у мерцающего ручья...
Эта родина моя серая -
то дожди над ней, то снега...
Здесь с любовью живу
и с верою,

И вовеки веков побеждала она.
Но сначала грачи прилетали...
Птицы с юга летят,
за волною волна.
Ждать у моря погоды устали.

И вовеки веков побеждала она.
Но сначала грачи прилетали...
Птицы с юга летят,
за волною волна.
Ждать у моря погоды устали.

А внизу, в море снежном,
так мало земли,
Ото льда не избавились реки...
Но, как прежде,
на север летят журавли,
Дав отчизне присягу навеки.

Уйти с утра, по насту,
в порозовевший лес!
Случаются не часто
попытки сбросить вес...

Всю зиму пили-ели,
смотрели телемуть...
И было нам на ели
всё некогда взглянуть.

Вот-вот зажгутся ивы,
в берёзах бродит сок
и слышится счастливый
синички голосок.
Румянит чистый воздух
весёлое лицо!..
Грачи хлопочут в гнёздах,
но ждём ещё скворцов.

Случается не часто
сходить в оживший лес.
А наши вёсны мчатся -
осталось их в обрез...

Давно, давно так было это.
В мои пятнадцать юных лет
спалось так крепко
на рассвете,
но шёл косить траву чуть свет.

А вечером я брёл на речку
купаться, лошадь навязав...
Звенела на плече уздечка,
нескошенных касаясь трав.

Давно, давно ли было это?
От шумных улиц, площадей
в деревню часто езджу летом,
но редко вижу лошадей...

Ещё глубок заросший омут,
но тропки нет уже к нему.
И зарастает тропка к дому,
к родному дому моему.

Инееса ФЕДОТОВСКАЯ (г. Устюжна)

Пожалуйста, читайте!

ведь в Клубе Книголюбов все
свои). Так вот, ты будешь читать.
Я с новой книгой здорова-
юсь, вдыхая её многообеща-
ющий аромат свежей печати.
Читатель со стажем знает это
открытое чувство, знает он
и то, что хорошая книга напи-
сана с большой любовью, (не
зря её посвящают самым близ-
ким людям, детям, родителям,
мужьям и жёнам) чтобы погово-
рить с тобой о важном, поддер-
жать тебя, крикнув тебе через
века: «ты не один, со мной тоже
такое было». В книгах есть отве-
ты на все вопросы, надо просто
правильно задать вопрос и
уметь во время увидеть ответ.
Людам, особенно подросткам,

кажется, что их никто не пони-
мает, но это самообман в попыт-
ках показать свою индивидуаль-
ность, все мы похожи друг на
друга гораздо в большей степе-
ни, чем мы того желаем и книги
служат этому доказательством.
Любая проблема: несчастная
любовь, болезнь, нищета, слава,
богатство, измена, с хирургиче-
ской точностью пером, пишу-
щей машинкой, клавиатурой
компьютера оживлялась сно-
ва и снова, в разных эпохах и
временах, в бесконечном пото-
ке лиц действий и событий для
одной единственной цели - все-
общего родства душ и мыслей.
С открытием этой истины, ста-
новится очевидным, что на чём
бы ни уезжал твой любимый:
бричке, автомобиле, звездоле-
те, тебе будет горько и тоскли-
во без него. И куда бы ты не
отправлялся в Новгородскую
губернию, Амстердам, на пла-
нету Третьего Звёздного Объ-
единения тебе будет больно,
потому что кусочек своей души
ты оставил ей. Книга отражает

душу героя, его мысли, мотивы
и чаянья, и конечно, часть души
его создателя, поэтому уже с
первых страниц, понятно най-
дешь ты с Книгой общий язык
или нет. И если ты с книгой узна-
ли друг друга тебя ожидает не
только удивительное путеше-
ствие, но и долгие разговоры
о вечном и прекрасном и даже
горячие мысленные споры. Как
и друзья Книги бывают разные:
строгие, серьезные, веселые,
легкие, а иногда, как и в людях
в них все качества затейливо
смешиваются, и ты уже не зна-
ешь, что ждет тебя за следую-
щим поворотом листа.
Дальше всех уводит за собой
фантастика. Перед тобой выраста-
ют целые вселенные, планеты
и города со своими причудливы-
ми законами, смехотворными
ценностями, и великими дости-
жениями. Подводные миры,
галактические крейсера и шко-
лы волшебства не стареют и не
исчезают, а со всей нетерпели-
востью первооткрывателя ждут
тебя, для того чтобы еще раз

преподать урок чести и обма-
на, ненависти и любви, показав
еще одну нестарую истину о
многообразии и непостижимо-
сти этого мира.
Во взрослой жизни следу-
ет прочитать классику, кото-
рая, к сожалению, для некото-
рых осталась скучным школь-
ным сном. Великие умы и широ-
кие души писали не для детей,
хотя, конечно, благодаря им
мы научились сопереживать, а
это непомерно много, особен-
но в реальности бесконтрольно-
го технического прогресса. Но
всё же прочтите классику, ког-
да у Вас есть свой жизненный
опыт, свои собственные радо-
сти и разочарования, и тогда
Вы уж точно поймете горе Чац-
кого, страдания юного Вертера
и нежелание Онегина жениться.
И это станет для Вас куда боль-
шим личным достижением, чем
смена в гостиную лампового
телевизора на жидкокристал-
лический.
Существует гармония чисел
- математика, существует гар-
мония звуков - музыка, а есть
общая гармония слов. Этой
поразительной чистотой ритма,
звука и слова можно привести
в гармонию свои чувства, мыс-
ли и душу...
Пожалуйста, читайте!

Конкурс «Заветное слово»

Людмила КАБАНОВА (Грязовецкий р-н, д. Ростилово)

Бабушка рядышком с дедушкой

Мы повзрослели
никуда тут не деться,
С тоской вспоминаю я
милое детство.
Дом деревянный
и русская печка
И бабушка с дедом
сидят на крыльчке.

И смотрят они всё на внучат,
А внуков немало - девять ребят.
Дедушка Толя,
достань балалайку,
А ну, для внучат
плясовую сыграй-ка!

А бабушка Соня
ругнёт для острастки,
А к ночи расскажет нам
добрую сказку.
И утром разбудит
не запах духов,
А аромат из печи пирогов.

Самые яркие воспоминания человека - это воспоминания о его детстве, самой счастливой и беззаботной поре. Я часто вспоминаю своих бабушку и дедушку, их деревенский дом, полный доброты и любви.

Ярко светило солнышко в окна дома, за столом у горячего самовара сидели две подружки, одной 80 другой 75 лет. Они смотрели на загороду, где росло более двадцати яблонь и был разбит огород, и пили чай. За чаем они вспоминали вчерашнее происшествие и смеялись. А вчера обеим было не до смеха. Бабушка Соня и её товарка, бабушка Шура, ходили в лес, да и заблудились. Уже вечерело, а они на выходе к дому попали «в круг», бродили по одному месту, а тропка всё никак не находилась.

- Да, хоть бы Толя вышел нам поухал, - говорила уставшая баба Шура, - али не чуёт, что мы заблудились.

- Да ведь мы ж ему сказали, что вернёмся не рано, - отвечала бабушка Соня, - он, поди, уже скотину обряжает.

Неизвестно, долго ли ещё плутали бы бабули по лесу, не возьми с собой верную собачку Куклу. Она-то и вывела незадачливых грибников на тропу. Бабушки охали: были совсем рядом с выходом к дому: «Вот ведь лешой как заморочил, да и лес нынче не тот, всё уросло, и мест знакомых не узнать». Я сидела и слушала их рассказ, их говор, как какую-то песню или сказку. Выпила чаю, наверное, полсамовара, а напиток никак не могла, до чего вкусен. Если честно, меня не удивило, что бабушка Соня могла заблудиться в родном лесу. Мы с ней хаживали по краю лесной полянки в поисках грибов, а вышли в пяти километрах в стороне, насилу домой доплелись.

- Шура, а помнишь в прошлом годе у нас тоже блудился мужик, брысой такой, фамиль-та не наша, как его звали?

- Да не помню.

- Лядк, ты-то молодая, вспоминай.

- Нет, не знаю.

- Вот ведь, загавря, ничего не помнит. Ой, ну всё ж мы и упетались вчера. Да ничего,

мы ещё с Шурой завтра в лес сбегает.

Бабушка Соня не может сидеть без дела, быстрая, ловкая, ей всё надо бегом. А рядом с ней дедушка Толя, спокойный, уравновешенный и рассудительный, он горячился, если дело казалось какого - нибудь спора, вот переспорить его, по - моему, было невозможно. А какой талант: он и на гармошке может сыграть, и на балалайке, а бабушка тут же запоёт звонкую частушку:

- Ты куда, мой дорогой?

Дорогая, в Питер.

Дорогой, не простудись,

Тебе в ж... витеер.

Дедушка никогда не ругал нас, внучат, а вот от бабули можно было дожидаться и вицы. Она скажет нам: «Вот с этого куста крыжовник ешьте, а с этих не трогайте, они на варенье». Да разве вкусные ягоды на разрешённом кусте? Конечно, нет. Мы, старательно прячась от зорких глаз бабули, воровали ягоды с запрещённых кустов. Как-то раз мои двоюродные братья бежали от бабушки, перепрыгивая через огороды, она отстала от них только после четвёртого. Сколько лет прошло, а вкуснее запретных ягод, наверное, ничего не пробовала.

Бабушка Соня очень любила ходить в лес и на болото, на котором ей очень нравился запах багульника. Как-то ранней осенью случилась со мной, моей сестрой Лёлей и бабулей история. Пошли мы на болото за клюквой, а до него идти пять километров по бетонной дороге, да ещё столько же по лесной. Осень была дождливая, и идти по лесу было трудно, ноги вязли, приходилось идти то по одной стороне дороги, то по другой. Дошли мы до болота, а оно круглое, как тарелочка, мягкое, и ягод на нём полно. Клюква бралась быстро, и скоро у всех троих были за спиной полные рюкзаки. Можно возвращаться домой. Выйдя на дорогу, мы опешили, потому что на ней оставил свежие следы медведь, судя по размеру лапы, немаленький. Что делать? Ждать, пока уйдёт, так ведь дело уже

к вечеру, да и на болоте, кроме нас, никого нет. Идти вперед страшно: вдруг за поворотом с медведем столкнёмся. Постою минут десять, всё же двинулись домой. Идём, друг друга подбадриваем, а бабуля шутит: «Чего, девки, делать-то будем, если медведя нагоним?»

- Я так на дерево полезу, - отвечаю.

Лёля говорит: «Я завизжу на весь лес».

- А я так, девки, наверное, сразу в штаны чего-нибудь сделаю, - изрекает бабушка. Похохотали, да и идём дальше. Я иду и замечаю, что медведь идёт там, где посуше и переходит дорогу там, где и нам надо переходить. Делюсь своим открытием с бабушкой, на что она отвечает: «Медведь, поди, тоже не дурак, лапы-то здря марать». Так и шли все пять километров по медвежьим следам. А когда подошли к большой дороге, медведь свернул, а лес, а мы прибавили ходу - и домой.

Много приключений было с бабушкой, много интересных случаев она рассказывала про свою жизнь. Очень жалела загубленные, неперспективные деревни, о которых теперь напоминают только яблони, посаженные людьми. Рассказывала бабушка: «Вот тут много рыжиков росло, а там волдянок, а здесь я целую корзину целиков набрала. Не тот нынче лес, всё уросло, скотину-то не гоняют. А раньше все лесные полянки выкошены были, косить - то не давали, вот прячась, да по ночам и бегали с косой да с носилками. А теперь коси, не хочу, да некому». В деревне одни старики век свой доживают, силы не те, да и скотину мало кто держит. Вот и дедушка Толя устал навязывать корову да косить ей и завёл коз. Но с козами отношения у него не заладились, он ругался: «Что за деревянная скотинка! Всё на вред делают, да лезут куда нельзя». Но без животинки жить плохо, и ещё долго держали дедушка с бабушкой быков, кроликов и кур. Всю жизнь они привыкли работать и о ком-то заботиться.

Дедушка Толя умер внезапно, не выдержало сердце. Ему стало плохо ночью, а в деревне нет телефона, и до медпункта пять километров. Так он умер на руках у бабушки, не дождавшись помощи. Спустя пару лет, провели в деревню телефон, вот только звонить теперь по нему некому. И стоят синие будки, заметенные снегом, во многих уже мёртвых деревнях, поставили их слишком поздно.

Бабушка Соня после смерти мужа сильно сдала, стала болеть, перенесла два инфаркта. Она сильно тосковала по своему Толе. Заболела подружка, бабушка Шура, у неё обнаружился рак. Она долго мучилась, сильно похудела, потому что не могла есть. Очень бабушке Шуре хотелось умереть дома, да одну не оставишь, и сын, пожив с ней пару месяцев, увёз её к себе в Белозерск, там и похоронил. Её подружка Соня держалась дольше всех, боролась за жизнь. Она всё боялась оставить без присмотра своих 5 детей, да за всех переживала: и за 9 внуков, и за 12 правнуков. В последний год её не положили в больницу.

- Вот, говорят, нет места в больнице. Для нас, стариков, только остались места на кладбище, - плакала бабушка. После долгих мытарств дети положили её в больницу, из которой она уже не вышла.

Опустел ещё один дом в деревне Синец, из жилых тридцати осталось только три.

Недавно мне приснился сон. Идёт дедушка Толя с косой на плече, а рядом бабушка Соня с ведром. Они собираются управлять корову, которая пасётся на лугу. Дорога лежит через деревню, а деревню не узнать: вся округа выкошена, дома все жилые, по улицам бегают ребятишки, собаки лают на кур, где-то вдалеке блеют овцы и козы, мычат коровы. Идут молодые дедушка и бабушка, взявшись за руки, идут, улыбаются. Они, наверное, попали в Рай, где живут в родной деревне, и им никто не мешает работать и жить своим трудом. Там их никто не посмеет обидеть в старости.

Сергей МАСЛОВ

(с. Новленское, Вологодский район)

«Покуда сердце бьётся...»

Я ОТ РОСЫ, ОТ ТРАВ

Я заплутал и вышел
из лесного плена,
Садилось солнце,
сенокосная пора,
Я заберусь в копну
с душистым сеном
И проваляюсь в ней
до самого утра.

Найду родник,
звенящий под горою,
В пригоршни наберу
серебряной воды,
Напысь с ладоней и лицо обмою,
И никакой другой
не надо мне судьбы.

Я от росы, от трав и от покосов.
Смотрю,
целует клеверинку шмель.
Я вырос от земли,
и больше нет вопросов.
Куда идти мне от земли теперь?

Родные для меня дожди косые,
Под ёлкой рыжиков
весёлый хоровод
И заросли шиповника густые,
Клин журавлиный
в небо за собой зовёт.

Я улетел бы с журавлиной стаей,
Взмахнув крыльями
с ними в синеве,
Но землю-матушку
я с кем оставлю?
И что родные скажут обо мне?

ЖУРАВЛИНЫЙ КЛИН

Когда был молодым,
всё хотел в синеву,
Где летят журавли
острым клином.

И про эту мечту
я забыть не смогу,
Но уже на висках моих иней.

Снова осень пришла.
Вновь плывут облака,
В облаках журавлиные стаи,
Вместе с ними
моя улетаёт мечта,
Но весною вернётся. Я знаю.

Каждый год я весну
с нетерпением жду
И к речному спешу половодью.
Не то слово - спешу,
а тихонько бреду,
Каждый шаг отзывается болью.

Стала морем река,
тонут в ней облака
И плывут облака в море синем,
Встрепенулась душа,
слышу вдруг с далека
Вновь летят журавли
острым клином.

ЖИВИ, ПОКА ЖИВЁТСЯ

Живи, пока живётся,
Покуда сердце бьётся.
Пока тропинка вьётся
Среди лугов, полей.

Живи, пока живётся.
И солнышко смеётся,
Теплов окошко льётся
Сквозь ветви тополей.

Живи, пока живётся,
На волю сердце рвётся,
Прохожий улыбнётся
И на душе светлей.

Живи, пока живётся,
И песня пусть поётся,
С задором раздаётся,
О счастье б пелось в ней.

Живи, пока живётся
Пусть дождик тёплый льётся,
Пусть радуга взвьётся
Над лесом и рекой.

Живи, пока живётся,
И любитесь и ждётеся,
Чтоб верный друг и нежность
Был рядышком с тобой.

Известный краевед из Тотемского района Александр Кузнецов рассказывает об истории одной из деревень Вологодского района, как всегда интересно и познавательно...

Большой двор

Александр КУЗНЕЦОВ

В справочнике населённых пунктов, выпущенном в далёком уже 1974 году, перечислены названия 10008 деревень, посёлков и городов, существовавших тогда на территории Вологодской области. Листая эту книгу, замечаешь, что некоторые одинаковые названия деревень встречаются по многу раз. Скажем, деревень под названием Большой Двор насчитывалось аж восемнадцать! Распространены они были в самых разных районах области, в некоторых (например, в Белозерском) стояло даже по два Больших Двора. Кроме Больших Дворов, на Вологодчине находилась ещё 21 деревня со схожим названием - Великий Двор. Свой Большой Двор был и в Вологодском районе - эта деревня уютно расположилась на левом берегу реки Вологды в самом её верховье. В старину тут было гнездо деревень под характерным названием Верх-Вологда, а при советской власти - Вепревский сельсовет.

Откуда же происходят названия Большой Двор и Великий Двор? Самое простое объяснение, которое приходит на ум, это то, что слово «двор» в старину имело смысл «дом, изба со всеми хозяйственными строениями при нём и ого-

Верховья реки Вологды

родной землёй», ну а синонимы «большой» и «великий» особо и объяснять не нужно. Так и представляется, что во всех этих деревнях стояли огромные избы, отчего в народе эти селения и стали так называть. Однако, в топонимике не всё так однозначно и просто. Если обратиться к историческим документам, то окажется, что все Большие и Великие Дворы возникли очень давно, на самой ранней стадии русско-го освоения таёжных просторов от Шексны до Сухоны и Юга. Причём, топонимы Великий Двор появились изначально, а вариант Большой Двор имеет более позднее происхождение. Писцовые и пере-

писные книги также свидетельствуют, что деревни с такими названиями чаще всего в старину были волостными центрами.

Изначально же «великим двором» в XIV - XV веках называли главную деревню (село) вотчины крупного землевладельца-боярина (также, как и многочисленные на Вологодчине деревни Боярская, Боярское), где постоянно жил, или временно наезжал приказчик или управляющий-тиун. Крупных новгородских феодалов в старину именовали почётным титулом «бояре великие». Этот же титул перешёл и на названия принадлежавших им деревень. По ойконимам Вели-

кий (Большой) Двор и Боярское можно установить примерные границы владений Великого Новгорода, так как эти названия являются важными топонимическими индикаторами новгородских земель на Русском Севере. После перехода данных территорий под власть Московского княжества, Великие Дворы потеряли своё былое значение административных центров, а бояре лишились своих земель.

Большой Двор на Верх-Вологде тоже «возглавлял» эту небольшую волость, у которой, тем не менее, некогда было очень важное значение. Ведь недалеко от Большого Двора начинался сухопутный волок на реку Сизьму, приток крупной Шексны. Этот древний водно-волоковой путь вёл из Москвы в Заволожье. На этом же пути и возник в XIII веке город Вологда. Боярин (имя его, к сожалению, неизвестно), который владел в тот период землёй на Верх-Вологде, несомненно, был богатым человеком, так как именно его холопы помогали перетаскивать лодки и грузы с Сизьмы на реку Вологду и в обратном направлении, за что боярин брал с проплывавших соответствующую плату.

В народе сохранилось инте-

ресное название этого сухопутного волока - Дубовая дорога. По преданию, по ней перевозили дубовые брёвна ещё во времена царя Ивана Грозного, который повелел строить на Вологде огромную по тем временам крепость. Под массивные каменные стены её нужны были дубовые сваи, которые и доставляли на строительство из более южных районов, где росли дубовые леса. Любопытно также название речки Прудбой, притока Сизьмы. Именно по Прудбою проходил последний водный участок перед сухопутным волоком на реку Вологду, к деревне Большой Двор. Прудбой - небольшая речка, поэтому, чтобы повысить уровень воды в ней, наши предки придумали устраивать на ней пруды или запруды. Вода поднималась на локоть или на полсажени, после чего лодки с грузами и людьми могли подниматься выше по течению Прудбоя, ближе к волоку.

В деревне Большой Двор, во дворе боярского тиуна (сам боярин с семьёй, понятно, на селе не жил) было нечто, похожее на современную таможню. Все проплывающие и проезжающие через волок люди должны были отмечаться там, указывать количество провозимого товара и платить за это «проездные»... Всё это осталось уже в далёком прошлом, и только топонимы Большой Двор и Великий Двор могут поведать нам нечто о тех временах.

Фото Валерия Талашова (п. Молочное).

Прошлое нашей Родины! Неисчерпаемая сокровищница для ума и для сердца. И каждый найдет в ней то, что хочет. К сожалению живого голоса Пушкина, Лермонтова, Некрасова нет, остались лишь кое-какие их рукописи. Но они живые, ибо написаны самими авторами. А в 20 веке появилась возможность записывать голоса на пленки и ленты и мы, уже в 21 веке, можем послушать живые голоса Блока, Есенина, Горького, Шолохова, Ленина, Сталина. А благодаря кинематографу герои и антигерои прошлого предстают перед нами из кинолент как живые. А в интернете можно услышать голоса из любой эпохи - голоса из прошлого! Для меня по-прежнему остается неразгаданной тайной голос Левитана, читавшего сводки «От советского Информбюро», особенно в дни, когда фашисты стояли у самой Москвы, у Ленинграда и Сталинграда.

Как в его голосе сочетались воедино горечь отступления и необычайная твердость, металл в голосе. Видимо, это душа Левитана доросла до высокой степени профессионализма диктора. Левитан как бы постоянно чувствовал, что он говорит не только от себя лично, но от имени каждого солдата, офицера и маршала. И от имени самого Верховного Главнокомандующего, и от имени расстрелянных партизан и разведчиков, и от имени сожженных фашистами деревень и городов. Силу слова Левитана почувствовал да-

же сам Гитлер, не случайно за его голову он пообещал немалый высокий гонорар.

Невероятно много в нашем прошлом голосов и политиков, и актеров, и певцов. Но и здесь можно встретить немало таинств и загадок. Почему я, например, человек далеко не сентиментальный, когда услышу живой голос Анны Герман, исполняющий колыбельную песню, достаю платок, чтобы утереть слезы, сладкие слезы, вызванные волшебной силой искусства. «Спи, мой воробышек, спи, мой сыночек, спи, мой звоночек род-

ной...» - как будто из самой души певицы выплескивается припев с такими незатейливыми словами. Прошибает слеза и после песни Валентины Толкуновой «Спят мои отчаянные парни, спят мои Титовы и Гагарины, носики-курносики сопят...» Голосом этих колыбельных будто сама Богородица поет!

Голоса Толкуновой и Герман - это особые голоса, как скрипка Страдивари они в единственном экземпляре! Это уже попало в копилку общечеловеческих ценностей.

Пусть говорят, мол, у «сов-

ков» не было подлинного искусства, мол, они были вынуждены глотать шедевры, основанные на идеологических догмах. Что, мол, не мог написать молодой Шолохов «Тихий Дон». Ну, конечно, он все это списал из найденной им рукописи белого офицера! Кстати, и при жизни великого писателя его иногда упрекали в том, что он пишет по заказу. Я помню, что на подобные выпады отвечал сам Шолохов: «Да, я пишу по заказу.

Но по заказу собственного сердца. А сердце мое принадлежит народу и нашей партии!» Вот такой голос из прошлого!

Для меня остается неразгаданной тайна величайшей песни «Вставай, страна огромная!» Уже через несколько дней после начала войны эта песня полетела по стране. Кто заказал эту песню? Кто исполнил заказ!? Помолитесь надо нам сегодня о «заказчиках» и исполнителях этой песни! Этого великого голоса из нашего великого прошлого...

Вот пишу и думаю: а ведь меня на это никто не уполномочивал, никто меня об этом не просил. Как раз наоборот, кое-кто попытался уничтожить: куда, мол лезешь, лапотник? Не вставляй палки в колеса, ведь наш паровоз вперед летит... Но я лезу, я хочу сказать о том, что думаю я и не только я. И вот я сказал, пусть и немного, но сказал, и вдруг душе стало легче, и здоровье, совсем пошатнувшееся на семьдесят седьмом году, вдруг пошло на поправку. И вспомнились слова замечательного русского, советского поэта-володжанина Александра Романова: «Встревожись душу - жить начнешь!».

Виктор ТАРАСЕВИЧ

Голоса из прошлого

